

В.А. КОРШУНКОВ

ВЕТРОУМ

**СТРАННОЕ,
СТРАШНОЕ, СМЕШНОЕ
В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ
XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА**

Владимир Коршунков

**Ветроум. Странное, страшное,
смешное в повседневной
жизни русской провинции
XVIII – начала XX века**

«Неолит»

2021

УДК 908
ББК 26.89

Коршунков В. А.

Ветроум. Странное, страшное, смешное в повседневной жизни русской провинции XVIII – начала XX века / В. А. Коршунков — «Неолит», 2021

ISBN 978-5-6046372-1-0

В этих исторических очерках представлена панорама повседневной жизни провинции XVIII — начала XX века, восстановленная на основе выявленных автором малоизвестных исторических источников — архивных фондов, периодики, мемуаров, а также краеведческих и научных публикаций. Колдовство и реакция на него судебных и церковных инстанций; поведение ссыльных московских дворян, оказавшихся в уездных городках; криминально-детективные эксцессы, разбои на реках и дорогах; отношение епархиального начальства к прегрешениям своих подчинённых; особенности крестьянского уклада жизни; старинные обряды и обычаи. Все такие подробности позволяют воссоздать картину быта и нравов, увидеть жизнь провинции в общем контексте развития российского общества. Книга предназначена как для специалистов — историков, филологов, этнографов, так и для всех, кто интересуется прошлым нашей страны. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 908
ББК 26.89

ISBN 978-5-6046372-1-0

© Коршунков В. А., 2021

© Неолит, 2021

Содержание

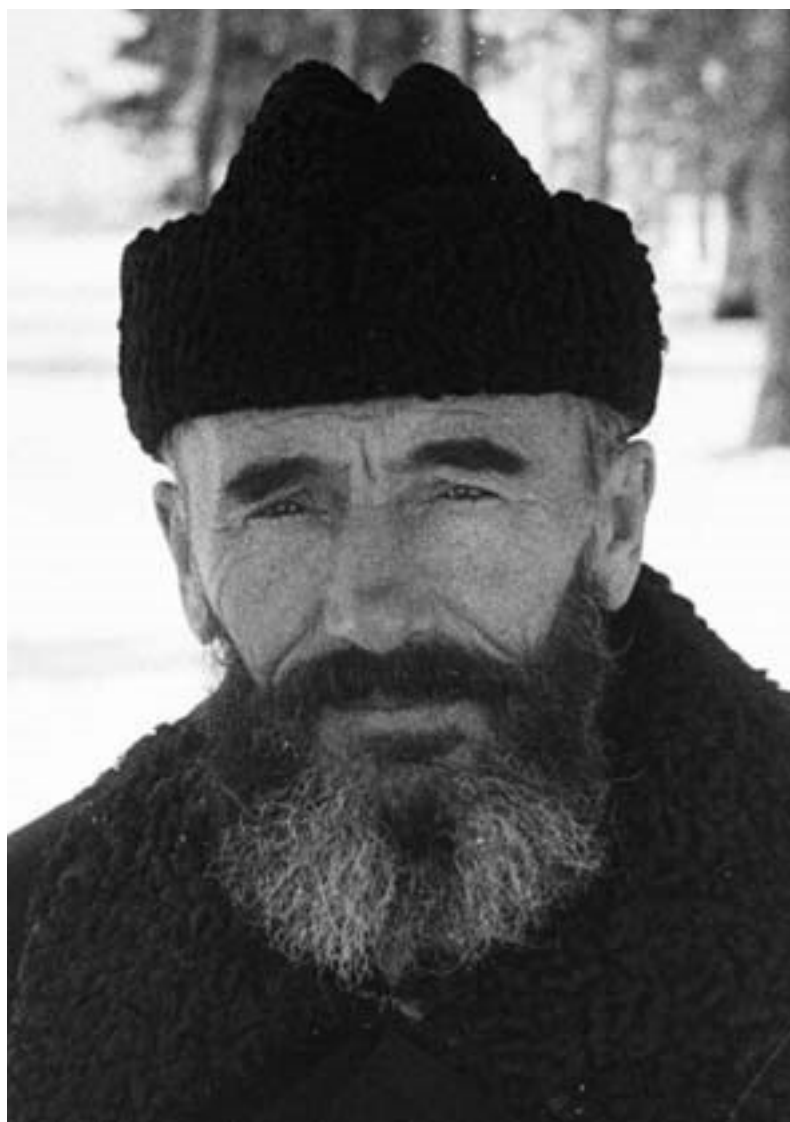
Предисловие	7
Глава 1	17
Божественная или колдовская?	18
Судить по совести	20
Заговоры из тетрадки	25
Реально ли колдовство?	26
Кровавый зуб	27
Глава 2	30
В ожидании парома	31
«осталась она в потере»	32
«Сего малолетка освободить безо всего»	35
Как в водУ!	40
Глава 3	42
Опой травы	43
Версия жёнки Мавры	45
Версия девки Акулины	46
Версия следствия и суда	47
Нерадивые прихожанки	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владимир Коршунков
Ветроум: странное, страшное, смешное
в повседневной жизни русской
провинции XVIII – начала XX века

© Коршунков В.А., 2021

© Издательство «Редкая птица», 2021

*Памяти Николая Тихоновича Коршункова (1909–1981) –
псковского крестьянина, полковника авиации, лучшего из людей*

Предисловие

В старинной Вятке (ныне Кирове), у высокого обрыва, откуда распахнута панорама заречной слободы Дымково и далёких лесов, находится Александровский сад. Уже два столетия подряд любят здесь прогуливаться горожане. На том краю, где речной откос сворачивает в овраг, высится ротонда с классическими колоннами (правда, деревянная). В глубине сада – другая ротонда. До их постройки, когда город чаще называли не Вяткой, а Хлыновом, открытый всем ветрам крутой берег именовался Ветроумом.

В прежние времена по кромке Раздерихинского оврага проходила линия обороны – земляной вал, укрепленный брёвнами. На нём были устроены выступающие вперёд «выводы» для пальбы из пищалей (вроде башен на крепостной стене). На мысу Ветроума, где ныне береговая ротонда, располагался «вывод» с причудливым названием Веселуха.

На другой стороне оврага вплоть до XX века ежегодно по весне начинался народный праздник – Свистопляска. Сперва в ветхой часовне справлялась панихида по воинам, убиенным полтысячи лет назад в какой-то давней, легендарной сече. Затем разворачивалось буйное веселье. Городские жители скатывали глиняные шары по склонам оврага, затевали кулачные потасовки, дурачились и свистели (шары и свистульки изготавливались гончарами слободы Дымково). Вот только едва ли при часовне в самом деле имелось воинское захоронение. Скорее всего, когда-то это была привычная для русских городов божедомка (иначе скудельница), где складировали невостребованные трупы, которые обнаруживались на улицах и задворках, особенно зимой и на Масленицу. Раз в году их всех отпевали и после прикапывали в общих могилах.

Древнейшая часть города окружена оврагами – на севере это Раздерихинский, на юге Засора. Через Раздерихинский в 1980-х годах соорудили висящий над бездной пешеходный мост, по которому можно пройти из Александровского сада к большой старой тюрьме, занимающей целый квартал возле хорошо обустроенной набережной. Под тюремными стенами флагируют горожане, стараясь не замечать клубков колючей проволоки.

На ограждении пешеходного моста местные романтики начали было цеплять любовные замочки, и в газетах его поначалу называли мостом влюблённых. Власти вмешались, замки ликвидировали и неподалёку, на тюремном берегу Раздерихинского оврага, водрузили древообразную металлическую конструкцию для навешивания символов любви и верности. А в народе мост стали называть мостом самоубийц. И неспроста. Тогда власти велели надстроить ограду: теперь она заканчивается штырями, перемахнуть через которые было бы непросто.

Городские достопримечательности там, у реки, как на подбор колоритные (см. карту в первой цветной вклейке). Раздерихинский овраг и часовня, божедомка-скудельница, убиенные воины и ничейные покойники, Свистопляска, мост самоубийц, тюрьма. На другой стороне оврага – Веселуха и Ветроум.

Речь пойдёт, главным образом, о Вятской губернии, простиравшейся между Волгой и Приуральем (её центральная часть стала нынешней Кировской областью). Когда-то этот лесной край был не только обширным, но и многолюдным. Русские живут в среднем течении реки Вятки издавна, уже много веков. А ещё удмурты, татары, марийцы, бесермяне, коми-пермяки и коми-зыряне.

В книге во множестве использованы документы Центрального государственного архива Кировской области. Некоторые главы, по сути, представляют собой комментированную публикацию архивных источников. Я очень благодарен за постоянное дружеское содействие сотрудникам областного архива и прежде всего заместителю директора Елене Игоревне Пакиной. Ценные иллюстративные материалы были щедро предоставлены коллегами из научно-исследовательской археологической лаборатории Вятского государственного университета (заведу-

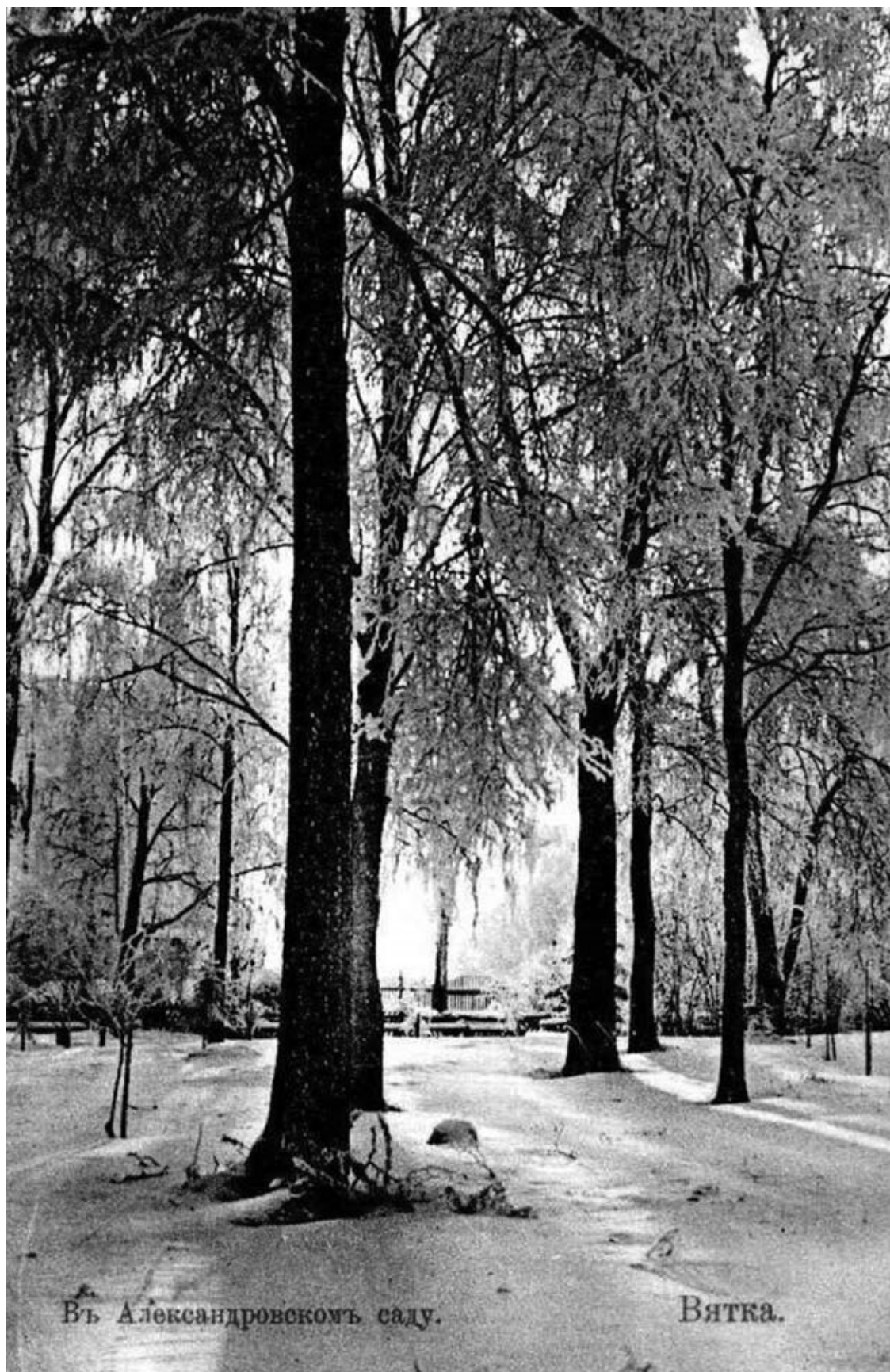
ющий – Алексей Олегович Кайсин). Старые чёрно-белые фотографии, авторство которых не оговорено, – из тех альбомов, что хранятся в фондах лаборатории.

Книга создана на основе уже имеющихся у автора публикаций. Все они были значительно переработаны в соответствии с новым контекстом – в чём-то сокращены, в чём-то дополнены новыми материалами.

Ветроум, Ветроум... В соседнем Прикамье «ветроумный» применительно к человеку означает «ветренный, легкомысленный». А на Вятке есть схожее слово «ветряной» – «весёлый, общительный, разговорчивый». Ум, что ли, из шалых голов весь повывуло, и ветер там свищет? Либо, напротив, ветерком нанесло лёгкие мысли и весёлость – Веселуха там, короче.

Многие события, случившиеся в российской глубинке два-три века назад, если к ним присмотреться внимательнее, – то страшные, то смешные. И уж точно – странные.

Александровский сад на старинных открытках

Береговая ротонда
Фотография Александра Шитова

Ротонда в глубине Александровского сада
Фотография Александра Шитова

На Ветроуме
Фотография Алексея Леонтьева

Начало Раздерихинского оврага и каменная часовня, выстроенная во второй половине XIX века вместо обветшавшей деревянной Старинная фотография

Раздерихинская часовня, воссозданная в 1999 году взамен разрушенной в 1925-м *Фотография Марины Маргарян*

Раздерихинский овраг и вид на ротонду в Александровском саду. Слева – мост самоубийц

Фотография Людмилы Останиной

Мост самоубийц

Фотография Людмилы Останиной

Приглашение присесть. Тюрьма
Фотография автора

Конструкция для свадебных замочков
Фотография автора

Глава 1

Лев Кошкин и «суеверная тетрадка»

Божественная или колдовская? Судить по совести. Заговоры из тетрадки. Реально ли колдовство? Кровавый зуб

В 1781 году в окружном (то есть уездном) городке Вятского наместничества Яранске жил 19-летний молодец. Он носил звучное имя Лев и обычную для Вятки фамилию Кошкин. Был грамотен, служил «пищиком» (писцом) в яранском казначействе. И вот случилось страшное: у него обнаружили «суеверные» записи! Парня застукали прямо на рабочем месте.

Божественная или колдовская?

Яранская нижняя расправа начала расследование («расправами» назывались учреждённые в 1775 году судебные органы). А затем дело направили в более высокую инстанцию – в Вятскую верхнюю расправу. Тогда оно же было озаглавлено: «Дело по репорту из Яранской нижней расправы при чем прислана суеверная книшка...». Сейчас оно хранится в Центральном государственном архиве Кировской области (ЦГАКО)¹.

Кошкин допрашивался неоднократно. Он менял свои показания. Очевидно, Кошкин быстренько уразумел: ситуация была для него опасной. «Небольшая писмянная книшка»² оказалась серьёзной уликой. Характерны его слова: «Как увидел, что небожественная...»³ Должно быть, это значит: сперва-то я думал – «божественная», «молитвенная», а оказалось – «волшебная», колдовская.

На протяжении большей части XVIII века всевозможные «суеверия» преследовались и строго наказывались. Выявлением таковых занималось тогдашнее немилосердное государство, а церковные власти были у него на подхвате. В правление Екатерины II отношение к суевериям начинает смягчаться. Просвещённая императрица была уверена, что колдовство – это всего лишь обман, коим хитрецы невежественных людей дурачат. Плохо, что невежд так много, потому следует пресекать толки о ведьмах и колдунах, о порче и прочих глупых нелепостях. Ведь такое могло вести к народным возмущениям.

В общем, незадолго до того народная магия сурово каралась, и Кошкину было чего бояться, когда его заметили с «суеверной книжкой». Да и яранские чиновники сообразили, что нельзя просто так отпустить своего молодого коллегу, только лишь пальчиком ему погрозив.

Поначалу Кошкин признавался, что «книжку» взял от 17-летнего «купецкого сына» Василия Попова. А тот, дескать, нашёл её на мосту через реку Ярань. Потом Кошкин начал утверждать, будто на самом деле получил её под заклад пяти копеек у Ильи, сына священника Знаменской церкви города Яранска. Затем вернулся к прежним показаниям: мол, Илью оговорил из-за ссоры с ним, а «книжка» найдена на мосту⁴.

Под заклад – значит, взял на время. То есть она чужая, Кошкину не принадлежит. Так или иначе, но попович Илья в этой истории мелькнул – и исчез.

А Василия, купеческого сына, допросили. Он показал, что, действительно, дал Кошкину крамольные записи, чтобы тот, умелый переписчик, их скопировал: «...Для списания копии которую де книшку по листам означенной своей рукою написал песню»⁵. «Означенный» – Кошкин. Это тёмное место в документе, видимо, надо понимать так: Попов заявлял, что какая-то особо крамольная «песня» вписана в «книжку» рукою Кошкина. Попову нужно было отвести подозрения от себя. И вообще сам он, дескать, неграмотный (или, допустим, малограмотный). Кстати, даже если так, сейчас мы знаем:

неграмотные люди в те времена тоже заказывали для себя копию заговорного текста, чтобы использовать такую запись как своего рода талисман⁶.

А сам Кошкин припомнил, что мать Василия Попова пыталась подкупить его, чтоб отвести подозрения от её сына. Она-де при встрече предлагала согласовать их показания. На самом

¹ ЦГАКО. Ф. 1228. Оп. 2. Д. 15.

² Там же. Л. 12.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 12 об. – 13.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Белова О.В., Левкиевская Е.Е. Молитва // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3: К (Круг) – П (Перепёлка). С. 279; Смелянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик, 2003. С. 76–77.

же деле, утверждал Кошкин, это Попов к нему обратился, посулив плату в 10 копеек за копирование некоего текста. Они тогда вдвоём отправились на место службы Кошкина, в яранское казначейство, где имелись все условия для переписывания. И вот, рассказывал Кошкин, только он занялся копированием, как «усмотрел тогда написанных в непристойных законом строки з две...». Бдительный и осторожный Кошкин, по его собственным словам, отдал непристойную «книжку» старику-сержанту, который прислуживал в казначействе и находился там в то самое время, когда они туда явились⁷. Отдать-то он ему отдал, но, наверное, тот брать её не хотел, коль она обнаружилась у Кошкина?..

Допросили сержанта. Тот указал, что Кошкин и Попов, действительно, были тогда в помещении и вместе списывали какую-то бумагу. И на вопрос сержанта Кошкин заявил, что эта «книжка» – «божественная»⁸.

Стало быть, Кошкин всё же занимался копированием подозрительного текста. А от назойливого старика-служителя отмахнулся: то ли всерьёз, то ли лукавя, сказанул ему, будто всё вполне благонадёжно.

Похоже, что обнаружение у мелкого чиновника «суеверной книжки» наделало переполоху в тихом провинциальном Яранске. Привлечённые к следствию юлили, стремясь смягчить свои проступки. Все – и следователи, и обвиняемые – понимали, что дело это непростое, можно кнута отведать и на каторгу загреметь.

В показаниях привлечённых по делу заметно противопоставление «божественного» и «небожественного» («суеверного»). В те времена нелегко было провести грань между такими понятиями, а ведь от этого зависела квалификация деяния. Списывать для себя или для другого «божественную» книжку (например, псалтырь), разумеется, не возбранялось. Ну, а если то был сборник вредоносных заговоров? Заговоры в представлении современников не слишком отличались от вполне разрешённых православных молитв⁹.

⁷ ЦГАКО. Ф. 1228. Оп. 2. Д. 15. Л. 14–15.

⁸ Там же. Л. 17 об.

⁹ Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000. С. 127–129; Смелянская Е.Б. Указ. соч. С. 77, 121–124; Белова О.В., Левкиевская Е.Е. Указ. соч. С. 278. См. также: Богданов К.А. Молитва и заговор (к уяснению вопроса) // Русская литература. 1991. № 3. С. 65–68.

Судить по совести

Бумаги по этому делу оказались в Вятской верхней расправе. Туда поступила и сама «книжка»¹⁰. Однако к сохранившемуся архивному делу она не приложена, да и копии текстов, увы, нет.

Вятские «расправные» сами заниматься следствием и судом не стали. Они передали дело в следующую инстанцию – Вятский совестный суд¹¹.

Так называемые совестные суды создавались по одному в каждой губернии Российской империи по инициативе Екатерины II, начиная с 1775 года, как специальные учреждения для тех правонарушений, виновные в которых оказывались людьми малолетними или безумными. Ещё там расследовались дела об оскорблении родителей детьми, а также преступления, совершенные в состоянии аффекта, случайно, неумышленно или по стечению обстоятельств. Разбирать дела полагалось в соответствии с «естественным правом», милосердно, учитывая смягчающие обстоятельства, стремясь не столько покарать, сколько примирить¹².

Живший в XIX веке юрист и историк Г. М. Барац указывал, что положение о совестных судах носило «переводно-компилятивный характер»: оно было собрано из украинских и британских установлений. Если при Екатерине эти суды вызывали «гиперболические похвалы в русском обществе», то при её преемниках «в законодательных сферах, по-видимому, совершенно охладели к полуказацкому, полуанглийскому судебному учреждению, столь неожиданно-негаданно перенесённому на русскую почву в екатерининскую эпоху». Отнесение к его деятельности колдовства – результат смещения «малороссийского с английским»¹³. Изучавший законодательную деятельность Екатерины II О.А. Омельченко расценивал совестные суды как учреждения, которые и по своим полномочиям, и по предоставленным законом правам были «малозначительными»¹⁴. Специалист по истории российской правовой системы И. П. Слободянюк отмечала, что «принципы гуманности и справедливости, провозглашённые при учреждении совестных судов, не были в полной мере реализованы»¹⁵. Юристка О. В. Харсеева писала: «К сожалению, современная наука не располагает данными правоприменительной практики, которые в целом свидетельствовали бы об успешности функционирования данного института»¹⁶. Знаменитый историк В. О. Ключевский задолго до того утверждал, будто «за всё царствование Екатерины не насчитать и десятка дел, решённых во всех совестных судах надлежащим образом»¹⁷.

¹⁰ ЦГАКО. Ф. 1228. Оп. 2. Д. 15. Л. 19.

¹¹ Там же. Л. 19 об.

¹² Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. [СПб.]: Тип. II отд. Собственной Её Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 20. С. 233, 278–279; Слободянюк И.П. Реформа судебной системы в России в период «просвещённого абсолютизма» // История судебных учреждений в России: сб. обзоров и рефератов / РАН ИНИОН; Рос. акад. правосудия; гл. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2004. С. 117–118.

¹³ Барац Г. Очерк происхождения и постепенного затем упразднения в России совестных судов и суда по совести: историко-юридический очерк. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1893. (Оттиск из «Журнала гражданского и уголовного права»). С. 19–21, 10.

¹⁴ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: просвещённый абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. С. 286.

¹⁵ Слободянюк И.П. Указ. соч. С. 118.

¹⁶ Харсеева О.В. Совестные суды в системе ювенального правосудия императорской России // Уч. зап. Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 331.

¹⁷ Ключевский В. О. Соч.: в 8 т. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 5: Курс русской истории. Ч. 5. С. 125.

Уездный город Яранск на старинных фотографиях

Тем интереснее выяснить, как на деле работал этот суд в одной обширной и удалённой от центра провинции – на Вятке. В последние годы российские историки и юристы стали обращать внимание на деятельность совестных судов как составной части правовой системы в Российской империи последней четверти XVIII – первой половины XIX века. Уже раздаются голоса,

что это суды значимые, решения они принимали важные, относились к делу серьёзно, руководствуясь принципами гуманизма и целесообразности¹⁸.

Действительно, вопреки мнению Ключевского, Вятский совестный суд за один только 1787 год рассудил гораздо большее количество правонарушений, чем указанный им десяток. И уж когда перед судьями предстал несовершеннолетний, которого обвиняли в недоносительстве, упущении арестованных и т. п., то его обычно миловали. Если же подросток занимался открытым, наглым грабежом, то велели пороть розгами и «отпускали в жительство» под приглядом. Розги – это не убийственный кнут, такое наказание – скорее, для острастки.

Совестный суд в Вятском наместничестве тогда только начинал свою работу. Его торжественное открытие произошло менее года назад, в декабре 1780-го¹⁹. Из-за очередной реорганизации системы местного управления суд прекратил свою деятельность в 1796 году, но уже в 1801 году возобновил её²⁰.

В архиве сохранился журнал записей Вятского совестного суда за 1787 год, который до сих пор не привлекал внимания историков. Это толстенный том в переплёте из бараньей кожи. День за днём туда вписывали, кто из заседателей наличествовал, а кто иной раз не был по болезни, какие дела рассматривали и что решили. В начале того года председательствовать в суде был назначен надворный советник Антон Живоглотов²¹. Случалось и так, что никакие дела в тот или иной присутственный день не поступали вовсе. Нередко в таких случаях в журнале отмечали, что судьи, дескать, знакомятся с основополагающими юридическими документами: «Читаны законы и указы, и Высочайшее Ея Императорского Величества о управлении в наместничествах Учреждение, и правила Совестного суда». Или же честно писали, что «по невступлению» входящих дел ничего в этот день не рассматривали. К концу года записей о повышении юридической квалификации становилось всё меньше... И всегда, в любом случае, в начале и в конце протокола имеются одни и те же фразы: «Прибыли пополуночи в 8-м часу»; «Вышли из присутствия пополуночи во 2-м часу».

В общем, подневные записи велись по шаблону и не без лукавства. Однако заметно, что по сравнению с такими же судами в ближайших губерниях – Уфимской, Пермской, Нижегородской, Казанской²² – Вятский совестный суд работал усердно, разбирая множество дел, да и старался, как велела императрица Екатерина II, руководствоваться человеколюбием (насколько вообще можно было проявлять «матернее милосердие» в преступлениях, зачастую чудовищных).

Совестным судам было предписано собираться на многодневные сессии не реже трёх раз в год (от 8 января до Страстной недели, от Троицы до 27 июня, от 2 октября и до 18 декабря), а

¹⁸ Баранов Ю.В. Правоприменительная практика Московского совестного суда по уголовным делам // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 7. С. 59–62; *Его же*. Судебная практика Московского совестного суда (1782–1861) // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер.: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 67–73.

¹⁹ ЦГАКО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1. Л. 20; Бехтерев Н. Открытие Вятского наместничества // Столетие Вятской губернии. 1780–1880: сб. мат. к истории Вятского края / изд. Вятского губ. стат. комитета. Вятка: Тип. Губ. правления и литография Котлевич, 1880. Т. 1. С. 11.

²⁰ Бехтерев Н., Андриевский А., Спасский Н. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии, за первое столетие с открытия наместничества // Столетие Вятской губернии. Т. 1. С. 386.

²¹ Вскоре после создания Вятского наместничества, в 1781 году он служил советником наместнического правления (см.: Там же. С. 214).

²² Ключевский В. О. Указ. соч. Т. 5. С. 124–125; Воронцов В.А. Практика совестных судов на Урале и в Западной Сибири (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Научный вестник Уральского академии гос. службы: политология, экономика, социология, право. Екатеринбург, 2010. № 2 (11). С. 126–130; Старикова Н.В. Совестный суд в судебной системе Екатерины II (по материалам Нижегородской губернии) // Вестник Мининского ун-та. Н. Новгород, 2013. № 4. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/432/408> (дата обращения: 08.03.2021); Свердлов Л.М. Казанский совестный суд как суд примирительной инициативы // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья / Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; отв. ред. и сост. И. К. Загидуллин. Казань, 2013. Вып. 3. С. 214–220; Мхитарян Л.Ю. Деятельность совестных судов в дореволюционной России (на примере Пермской губернии) // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2014. Вып. 1. С. 37–43.

ещё «когда дело есть»²³. Однако Вятский совестный суд под руководством Живоглотова заседал и в промежутках между обозначенными в законе сроками, причём иной раз дел тогда вовсе не было.

При этом вятские «совестные» заседатели занимались больше правонарушениями несовершеннолетних да имущественными спорами. Изредка разбирали обвинения в колдовстве.

В журнале заседаний и определений Вятского совестного суда за 1782 год есть несколько записей по яранскому делу. Оно поступило в середине февраля. Окончательное решение было вынесено быстро – через месяц²⁴.

Одновременно с пришедшими в совестный суд бумагами туда же был направлен и находившийся под арестом Лев Кошкин. Интересно, что уже в первой по времени записи в журнале совестного суда (о том, что дело, согласно закону, принято в этой инстанции к рассмотрению) определённо заявлено: причина следствия и суда – в открывшейся у Кошкина «якобы заговорной суеверной тетрадке»²⁵. Не печатной книжки, а рукописной тетрадки. В ней, несомненно, находились заговорные тексты. Неясно, правда, что именно в протоколе допроса Василия Попова было названо «песней», вписанной туда, дескать, Кошкиным? Может быть, кроме заговоров, там и какие-то подозрительные песенки обнаружили? Или же недотёпистые яранские чиновники (те самые, что тетрадку книжкой называли) и в этом случае напутали?

²³ Полное собрание законов... Т. 20. С. 279. Ср., например: с. 268, 270.

²⁴ ЦГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 56, 63, 94–94 об., 97–102, 114, 140–140 об.

²⁵ Там же. Л. 56.

Заговоры из тетрадки

Какого типа заговорные тексты могли быть в «суеверной тетрадке»? В сохранившихся материалах дела вроде бы нет ни намёка на это. А ведь заговоры бывают лечебными, хозяйственными, промысловыми, любовными, свадебными, социальной направленности (например, «на подход» к судьям или иным властям), наводящими порчу, защищающими от порчи и т. д.

Обратим внимание, что вовлечённые в историю с рукописным сборником заговоров люди – молодые мужчины. Фольклорист и этнограф А.Л. Топорков, изучивший русские письменные заговорные тексты, определил: «...Рукописные любовные заговоры – исключительно мужские тексты, призванные воздействовать на женщин. Количество “мужских” текстов абсолютно преобладает в XVII–XVIII вв. (43 “мужских” текста против одного “женского”»²⁶. Если что и могло заинтересовать яранских парней, то, конечно же... Нет, не любовь, а исключительно секс. Как устроить, чтобы приглянувшаяся красотка не пила, не ела, всё бы по добру молодцу вздыхала и сама бы к нему ластилась?.. Только на это и были направлены любовные заговоры, с помощью которых мужчины пытались обольстить женщин.

В старинных рукописных сборниках заговоров нередко содержались тексты различной направленности. Например, в 1753 году у рудокопщика Полевского медеплавильного завода на Урале Ульяна Рудакова обнаружился сборник, который в архивных документах, как и в нашем случае, именовался и волшебной книжкой, и тетрадкой. Там находились любовные «присушки», заговоры «об отваде печали», «о излечении от зубной болезни» и другие²⁷. В яранском сборнике тоже могли быть заговоры не только любовные.

Е. Б. Смилянская, разобравшая множество дел о «духовных преступлениях», отмечала: «На основании изучения материалов следственных дел создаётся впечатление, что и доносители, и хранители заговоров так или иначе осознавали греховность и запретность магии. Заговорные тетрадки давали для переписывания обычно скрытно из опасения светского наказания»²⁸. Обвинения в колдовстве сплошь и рядом начинались даже не по причине проявившейся некоей «порчи», а просто по факту обнаружения заговорного текста²⁹. Для тех же, кто прибегал к магическим, заговорным средствам, важным бывало различие магии «белой» и «чёрной». При этом любовная магия, несомненно, понималась как «чёрная», запретная, которая по степени воздействия и восприятия близка к вредоносной³⁰. Тем опаснее в глазах яранских чиновников, начавших раскручивать это дело, выглядела найденная тетрадка.

²⁶ Топорков А.Л. Заговоры в русской рукописной традиции XVII–XVIII вв.: история, символика, поэтика. М.: Индрик, 2005. С. 118.

²⁷ Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII–XVIII вв.). Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1987. С. 202; Голикова С.В. «Люди при заводах»: обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII – начала XX века. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. (Сер. «Очерки истории Урала». Вып. 41). С. 257, 259, 261.

²⁸ Смилянская Е.Б. Указ. соч. С. 120.

²⁹ Там же. С. 43.

³⁰ Лавров А. С. Указ. соч. С. 92–93.

Реально ли колдовство?

Лев Кошкин стал арестантом или, как тогда говорили, «колодником». А от свидетеля по делу Василия Попова потребовали, чтоб он покуда не удалялся за пределы города Вятки³¹.

15 марта 1782 года в Вятском совестном суде дело было рассмотрено по существу. В постановлении судьи опять-таки уточнили, что, строго говоря, это не печатная книга, а рукописная тетрадь: «И рассматривая ту вздорную тетрадку, а не книжку...»³²

В итоге решено было отпустить восвояси без наказания обоих – Кошкина и Попова. С них взяли подписку «о неимении впредь таковых сумазбродных и суеверных пустых сочинений, а буде впредь найдутся какие-либо дурные сочинения, то [эти двое] неминуемо подвергнутся неизбежного поступления по законам». Саму же тетрадку приобщили к материалам дела: «... А ту безделную глупого и невежественного слога тетрадку за печатью оставить при деле»³³.

Ещё одна характеристика заговорных текстов из этой тетради дана при оформлении документов спустя три дня после рассмотрения дела. Тогда было отмечено, что «слушано и подписано определение о вздорной и пустословной тетратке»³⁴.

Совестный суд направил в Яранск предупреждение и указание, чтобы тамошние чиновники были в подобных случаях осторожнее и не заводили впредь таких дел³⁵. Ведь такое вообще не подпадает под те, определённые законом деяния, которые подлежат наказанию. А здесь – глупость, невежество, вздор, пустословие... Только и всего!

Мягкость вынесенного решения была характерна для совестных судов в эпоху просвещённой монархии. Удивительно, насколько быстро произошёл поворот от свирепого преследования колдовства ещё в середине XVIII века к уяснению того, что никакого колдовства вообще не существует – это лишь обман и невежество. Даже в такой отдалённой провинции, какой было Вятское наместничество, совестные судьи (дворяне, мещане и крестьяне) мигом приняли к руководству просветительскую идеологию! И указывали не вполне перестроившимся коллегам на местах (в уездных учреждениях), что те отстают – недопонимают круто изменившуюся «генеральную линию».

Трудно сказать, насколько осознанно люди, заседавшие в судах, воспринимали эту новую перестроечную загогулину. Мы располагаем многочисленными сведениями, что так называемое народное православие – с его обрядоверием, бытовой магией и предрассудками – сполна разделялось высшим слоем российского общества в XVIII и первой половине XIX века. Так что едва ли все судьи и чиновники екатерининского времени были искренне убеждены в том, что от напущенной колдовством порчи нет никакого реального вреда. Но если и так, то они держали своё мнение при себе. В конце концов, насаждавшаяся в те годы в России просветительская идеология требовала от нижестоящих прежде всего не веры в неё, а исполнения. Это была своего рода поведенческая установка, приспособливающая человека к навязанным ему сверху правилам игры. В условиях самодержавия указанные правила нужно было принять сразу. И суровость, с которой преследовали народную магию в предыдущие десятилетия, тут же стала клеймиться как отсталость, дикость и глупость. Просто потому, что императрица изволила решительно объявить своим подданным: никакого колдовства не бывает!

³¹ ЦГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

³² Там же. Л. 94.

³³ Там же. Л. 94–94 об. См. также: ЦГАКО. Ф. 1228. Оп. 2. Д. 15. Л. 29.

³⁴ ЦГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 114.

³⁵ Там же. Л. 140–140 об.

Кровавый зуб

Вот ещё один случай того же времени, разобранный тем же Вятским совестным судом.

В 1782 году секунд-майор Степан Филиппов, служивший судебным заседателем Вятского верхнего земского суда (крупная фигура, да и сам судейский), пожаловался на свою крепостную, дворовую жёнку Пелагею (или, как в документах, Палагию). Она подала в кушанье человеческий коренной зуб – причём, как показалось Филиппову, со следами крови. А в приготовленной ею припарке, которую он прикладывал к опухоли на животе, обнаружилась нижняя часть клюва неведомо какой дикой птицы. Ещё она постоянно добавляла в еду барину и его жене заговорённую соль.

Поблуждав по инстанциям, дело попало, наконец, в совестный суд (как там сказано, это же – «род колдовства»). При расспросе в суде Филиппов уверял, что Пелагея сама ему признавалась: зуб – чтобы его умертвить, клюв – чтобы у него было «колотьё», а соль – чтоб не получать от него битья. Правда, улики суду представлены не были: зуб сразу выкинули на улицу, а клюв он тогда велел сжечь.

Пелагея же ни в чём не сознавалась: если же она что-то такое Филиппову и говорила, то разве что будучи в беспамятстве во время сильной порки, которую тот ей задал. Отношения барина с крепостной вообще были сложными. Пелагея твердила, что Филиппов её бил, намеревался склонить к греху с ним; она от него не раз уже убегала (власти её ловили, секли, возвращали); он выдал её замуж за парня, о котором заявлял, будто тот – вольный, но после оказалось, что муж – тоже крепостной Филиппова. Сам Филиппов уверял судей, что Пелагея ему теперь вовсе не нужна и пусть живёт, где хочет.

Вот что важно: «совестные» искусно подвели своего коллегу-истца к признанию, что никакого реального ущерба от возможных действий Пелагеи никому не приключилось; что он не должен верить в «бабьи шёпоты»; что императрица полагает всяческое колдовство обманом. Так и записано в протоколе! В итоге иск дворянина против его крепостной по обвинению в колдовстве, смертоносной порче и прочих страшных злоумышлениях оставили без удовлетворения³⁶.

Получила ли Пелагея вольную? Так это не от совестного суда зависело. Хорошо уже то, что судьи напомнили Филиппову: он мог бы, по совести, озаботиться пропитанием своей крепостной, пока она, до решения дела, прозябала в остроге, да ещё с младенцем на руках. Но рабов на волю отпускать – такого права императрица судьям не давала.

³⁶ Там же. Л. 125 об., 126 об., 127–128, 130–130 об., 141, 146, 148, 159, 161–162, 244–245 об., 248–252 об., 271 об., 305 об.

Церковь Михаила Архангела. Яранск. XVII век
Фотография Алексея Кайсина

Фотографии Сергея Лобовикова. Начало XX века

Глава 2

Дело о пропавшей жёнке

В ожидании паром. «Осталась она в потережнии». «Сего малолетка освободить безо всего». Как в воду!

Осенью 1787 года близ города Вятки, на переправе через реку Вятку у Дымковской слободы случилась загадочная история. Началась она комично, да обернулась душегубством.

В ожидании парома

Немолодая крестьянка Авдотья Зыкова поехала за тридцать вёрст – из Вятки в уездный город Слободской за покупками. Остановилась там в доме своей замужней дочери. На обратном пути, когда Авдотья, напившись допьяна ещё в Слободском, спала на берегу в ожидании парома на тот берег, она таинственно пропала. Поиски ни к чему не привели. Главным свидетелем стал подросток Михаил Макаров, которого его отец, извозчик, послал доставить Авдотью на телеге туда и обратно. Транспортными услугами этого семейства она пользовалась уже не в первый раз. Подозреваемым оказался один из бывших при паромной переправе мужиков – Леонтий Окулов. И хотя не все обстоятельства удалось раскрыть, Окулова, в конце концов, осудили.

Эта история сохранилась в Центральном государственном архиве Кировской области (ЦГАКО) среди прочих случаев, которые рассматривал Вятский совестный суд. Дело о пропавшей жёнке оказалось там из-за того, что по нему проходил малолетний возчик Михаил Макаров. Так что случившееся отразилось в журнале Вятского совестного суда несколько однобоко: судей не особенно интересовали всяческие подробности, ход следствия, да и улики, которые могли бы показывать на обвиняемого Леонтия Окулова. «Совестные» заседатели, как им и было предписано, решали судьбу подростка-возчика – не более, но и не менее. Хотя делопроизводство XVIII века было устроено так, что в каждой следующей официальной бумаге отражались бумаги предыдущие (причём обычно – дословно). И суть дела видна из этого протокола. Приведу его здесь целиком³⁷.

³⁷ ЦГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 291–292 об.

«Осталась она в потеряннии»

«1787-го года декабря 3 дня по Указу Ея Императорского Величества вятского наместничества совестный суд слушал дело, наченавшееся по уведомлению вятской нижней расправы от 1-го числа сего м[еся]ца декабря под № 164-м, наченавшееся же в той расправе, по сообщению вятской управы благочиния. А во уведомлении написано, что в производимом во оной деле оказалось³⁸.

Минувшего октября 30-го дня живущая здесь в городе Вятке, Котельнитской округи Гостевской волости деревни Черемиской крестьянина Меркулия³⁹ Зыкова жена Авдотья, Логинова дочь, наняла живущего ж в городе Вятке, Слободской округи Медянской волости крестьянина Филипа Макарова, ценою за сорок копеек, чтоб свозил ево сын, одиннадцатилетней Михайло Макаров же на ево одной лошади, в телеге, ее Авдотью Логинову для покупки мелочного товару отсель в город Слободской. Почему она же, доехав с тем малолетним ямщиком того ж 30-го октября, и по приезде переначевала в Слободском с тем малолетним ямщиком Макаровым. Где купила товару чулков и рукавиц шерстяных, да кожаных черезов⁴⁰ и протчих мелочных вещей не более рублей на шесть. Потом возвратились с ямщиком же оным из Слободского и приехали к состоящему против города Вятки перевозу 31-го числа октября в 10-м часу пополудни, в небытность у пристани перевозной на песку перевозчиков и порома. Будучи в Слободском, напившись она же у дочери своей, живущей в том городе крестьянской женки Матрены Давыдовой вина допьяна, и с самого отъезду из Слободского спала она, как дорогою, так и по приезде сюда к перевозу, не разбуживалась. Кою спящую в телеге на перевозе оном точно видял⁴¹ один перевозчик того перевозу, крестьянин Калина Зырянов. По приезде ж со здешней из города стороны, к пристани на песок, с поромом для перевозу того ямщика⁴² Макарова с женою, спящею в телеге, перевозчики крестьяне Орловской округи Леонтей Окулов и Вятской округи ж Антон Пересторонин да здешней мещанин Гаврило Селезнев поста-

³⁸ Эти формульные, сложно организованные фразы означают, что в Вятский совестный суд дело только что поступило из Вятской нижней расправы. Расправы (нижняя и верхняя) – губернские судебные органы. Они были учреждены в Российской империи в 1775 году. Нижняя расправа – суд для свободных крестьян по гражданским и уголовным делам (Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. [СПб.]: Тип. II отд. Собственной Её Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 20. С. 267–268; *Слободянюк И.П.* Реформа судебной системы в России в период «просвещённого абсолютизма» // История судебных учреждений в России: сб. обзоров и рефератов / РАН ИНИОН; Рос. акад. правосудия; гл. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2004. С. 114–115). Вятская нижняя расправа занялась этим делом по уведомлению Вятской управы благочиния. Управы благочиния именовались созданные в 1782 году городские полицейские органы (*Слободянюк И.П.* Указ. соч. С. 119). Далее в документе излагаются обстоятельства дела соответственно «уведомлению», присланному Вятской нижней расправой. А после изложения относящихся к делу обстоятельств, в публикуемом здесь документе будет приведено решение Вятского совестного суда.

³⁹ «Меркулий» – так в тексте. Ниже будет верно передано его полное церковное имя – Меркурий. Латинское по происхождению имя Меркурий, действительно, имело разговорную форму Меркул (*Петровский Н.А.* Словарь русских личных имён: около 2600 имён. М.: Сов. энциклопедия, 1966. С. 156). Писец старался указывать полные варианты личных имён. Но в этом месте документа, несмотря на чуждую народной речи концовку «-ий», на бумагу проскользнуло разговорное «Меркул-», и получился своего рода компромиссный вариант – Меркулий.

⁴⁰ Через (черес) – «чересл, кошель поясом, кошка; рукав, кишка с пряжками, застёжками, куда кладут деньги и ею опоясываются» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. Т. 4. С. 592). Это существительное зафиксировано в двух вариантах – со звонким и с глухим согласным в конце. Распространённая на Вятке фамилия Черезов подтверждает распространение слова «через» с буквой «з», как и в этом документе.

⁴¹ Вообще-то глагол «видеть» писался через букву «ять». В вятских говорах особенное произношение звука, передававшегося этой буквой, весьма устойчиво. В нашем случае «ять» заменена буквой «я». Такое написание глагола «видеть» встречается в журнале записей Вятского совестного суда неоднократно. Например, в судебном деле об «испорчении» жены малмыжского канцеляриста Сидора Бехтерева. После бытовой ссоры с соседкой та стала бесноватой кликушей, решив, что соседи её глазили (ЦГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 177 об.).

⁴² Для вятских говоров характерно твёрдое долгое «ш» на месте «щ». Возможно, в этом месте документа отразилось типичное вятское произношение. Правда, в других случаях слова «ямщик» и «первозчик» пишутся здесь с «щ».

вили оной пором у подъезду, а сами ушли в шалаш близ той пристани, стоящей на песку⁴³, к огню грется. И тогда, по приезде, действительно, те трое перевозчики у ямщика Макарова телегу с запряженной лошадей видели, а женка имелась ли в телеге, того не знали. В тот же их приезд и во время бытности в шалаше, из них Окулов созвал от объявленной женки малолетного ямщика Макарова в шалаш, почему Макаров с [г]лупости⁴⁴ ево в тот шалаш грется к огню ушел, оставя лошадь и женку спящую в телеге у пристани. Где в том шалаше сидели с ним Макаровым у огня перевозчики Селезнев и Пересторонин, дожидались приезде еще разных людей к общему перевезению с тою женкою из за реки на здешнюю сторону. А Окулов, по приезде от телеги Макарова в шалаш⁴⁵, из оногo вышел и был неведомо где с полчаса. Напоследок, возвратясь в шалаш, звал Селезнева и Пересторонина к перевозу сказанной женки с малолетним ямщиком на пором. Кoi, выдя из шалаша, пришедши на пором, выливали из оногo воду, а Окулов, стоявши на берегу, объявил им Селезневу и Пересторонину, что лошади с телегою и женки у пристани нет, куда ж утерялись? якоб⁴⁶ не ведает. После чего вскоре лошадь та была найдена ходящая в запряженных одних передних колесах на берегу, а телега усмотрена ниже той пристани, напримик в сажнях шестидесяти, стоящая в воде по ступицы⁴⁷. В телеге ж оной бывшей⁴⁸ товар оказался в целости, а женки оной Авдотьи и при ней девяти рублей денег серебряных не найдено. А по оному и осталась она в потерянии ее безвестно. Но в погублении ее перевозчики не признались, однако ж из сих перевозчиков крестьянин Окулов довольно подал на себя в неизвестно пропавшей женке Логиновой сомнение тем еще, что при отыскании упоминаемой женщины, как уже она была не найдена, тогда реченной Окулов учинил от обыщиков побег, которой и навел на себя существительные подозрения⁴⁹. А потому в потерянии оной женки Авдотьи по разным обстоятельствам, явствуемым в деле силою законов, тот преступник Окулов в расправе осужден, чего ради с положением об нем Окулове мнения отослано дело на ревизию в Вятскую верхнюю расправу⁵⁰. А малолетного ямщика Макарова в неосторожности ево при воске им означенной женки Логиновой, коя неизвестна оказалась из телеги пропадшею, как тот Макаров должен был по приезде к пристани за лошадью своей иметь присмотр, а когда и женка та имелась спящею, то и к охранению оной должен же был он Макаров из шалаша выходить частовременно, чего им не учинено единственно с глупости. Но как уже тот Макаров несовершенного возраста и малолетен, почему в силу высочайшаго учреждения XXVI-й главы 399-й статьи⁵¹ оной Макаров в ево деянии и прислан в совестный

⁴³ Имеется в виду: «шалаш, стоящей на песку» (сейчас бы написали: «стоящий»).

⁴⁴ В слове пропущена начальная буква.

⁴⁵ «По приезде» – так в тексте, хотя, судя по ситуации, парнишка-ямщик, оставив запряжённую в телегу лошадь, подошёл к расположенному неподалёку шалашу пешком.

⁴⁶ В документе: «якобъ» (вариант слова «якобы»). Ср. в журнале записей Вятского совестного суда ещё: «якоб для запрещения» (ЦГАКО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 179).

⁴⁷ Здесь и далее – подчеркнуто в тексте документа. Ступица – «точёный болван, цилиндр из дерева – часть колеса, центральная; в ступицу утверждаются спицы колеса» (*Васнецов Н.М.* Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка: Губ. тип., 1908. С. 306).

⁴⁸ Имеется в виду: товар, бывший в оной телеге.

⁴⁹ Имеется в виду: «реченной Окулов, которой навел на себя подозрения» (речённый; тот, о котором уже шла речь).

⁵⁰ То есть Окулов осуждён судом нижней инстанции – Вятской нижней расправой. Но поскольку улики против него были косвенными и в деле оставались некоторые сомнения, оно было передано на ревизию в суд высшей инстанции – Вятскую верхнюю расправу. Верхняя расправа – это губернская апелляционная и ревизионная инстанция по отношению к расправе нижней (Полное собрание законов... Т. 20. С. 268–271; *Слободянок И.П.* Указ. соч. С. 115).

⁵¹ Подразумевается первая часть разработанных Екатериной II в 1775 году «Учреждений для управления губерний Всероссийския империи», которые стали основополагающим сводом законов России. Глава 26 «Учреждений» именовалась «О Совестном Суде и его должности». В этой главе находилась статья 399, которая гласила: «Дела, касающиеся до таковых преступников, кои иногда более по несчастливому какому нинаест приключению либо по стечению различных обстоятельств впали в прегрешения, судьбу их отягощения (так в тексте; по смыслу нужно: «отягощая». – В.К.) выше мер ими содеянного, также преступления, учиненные безумным или малолетным, и дела колдунов или колдовства, поелику в оных заключается глупость, обман и невежество, надлежит отослать в Совестный Суд, который един право имеет учинить о вышеписанном

суд при уведомлении. Который того ж числа со учиненной резолюции в пополнении со увещанием⁵² спрашиван и показал»⁵³.

решение» (Полное собрание законов... Т. 20. С. 278).

⁵² Имеется в виду то, что в других документах обозначается как «увещание священническое».

⁵³ Здесь заканчивается изложение существа дела по тому документу, что был прислан в Вятский совестный суд из Вятской нижней расправы. Чтобы сделать «пополнение» к ранее данным в нижней расправе показаниям подростка Михаила Макарова, совестный суд допросил его дополнительно. Эти дополнительные показания вкратце приводятся ниже.

«Сего малолетка освободить безо всего»

«Подлинно он не знает, каким случаем телега, на которой он привез к перевозу здешнему пополудни в 10-м часу живущую в городе Вятке Котельнитской округи Гостевской волости деревни Черемиской крестьянина Меркурия Зыкова жену Авдотью, Логинову дочь (коя лежала в телеге пьяная, напившись еще в Слободском), очутилась от берегу сажень с десять в воде без перетков⁵⁴; а лошадь с передками очутилась близ перевозу ходячая, потому что он кликнул был по приезде перевозчиком Орловской округи Леонтием Окуловым в шалаш для обогрения и был в оном. И той женщины каким же случаем не оказалось, кроме товару купленова, он не знает же.

А из шалаша уходил только перевозчик один, вышеписанной Леонтий Окулов. А что от телеги в шалаш отошел, то от глупости своей и по зву перевозчика для обогрения, до тих⁵⁵ пор, пока перевозчики перевозить их стали б. И он, сидя в шалаше, как выше показано, ничего не видал и открыть происшедшего случая совсем не знает.

А высочайшего учреждения главы XXVI в статье 397 напечатано: “Совестный суд вообще судит так, как и все прочие суды по законам, но как совестный суд устанавливается быть преградой частной и личной безопасности, и для того правила совестного суда во всех случаях должны быть: 1-е человеколюбие вообще; 2-е почтение к особе ближнего, яко человеку; 3-е отвращение от угнетения или притеснения человечества; и для того совестный суд никогда судьбы ни чьей да не отяготит, но вверяется оному совестный разбор и осторожное и милосердное окончание дел ему порученных, в чем пред Богом и пред Нашим Императорским Величеством подлежит во всякое время ответу и отчету”⁵⁶.

ПРИКАЗАЛИ. Как из обстоятельства и показания, учиненного со увещанием в суде совестном, сказанного малолетка Макарова означают: поступок ево, учиненной отойдением при перевозе в здешнем по ту сторону реки Вятки в шалаш перевозчицей от телеги и везущей им женщины по найму (коя из телеги безвестно пропала), по единственному отозванию перевозчика Окулова, для обогрения при огне в шалаш, произведен от глупости по малолетству еще ево существу и имению только одиннадцати лет. И не найденной, чтоб оной произошел чрез подкупление со стороны перевозчиков и предательство и пропаданию неизвестно из телеги женщины, кою он и прежде неоднократно в Слободской важивал по найму отцом ево крестьянином Макаровым. Да и судом совестным не замечается, чтоб крылось какое злоумышление со стороны сего малолетка, кроме отлучки от телеги с лошадыю, по глупости и отзыву, как выше упомянуто, в шалаш.

⁵⁴ «Передок у телеги, экипажа летнего: передние колёса, т. е. передний каток в отдельности. В этом смысле всегда почти употребляется множественное число: “Передки”. “Брёвны возит на одних передках. – Надо ошинить только передки”» (Васнецов Н.М. Указ. соч. С. 204).

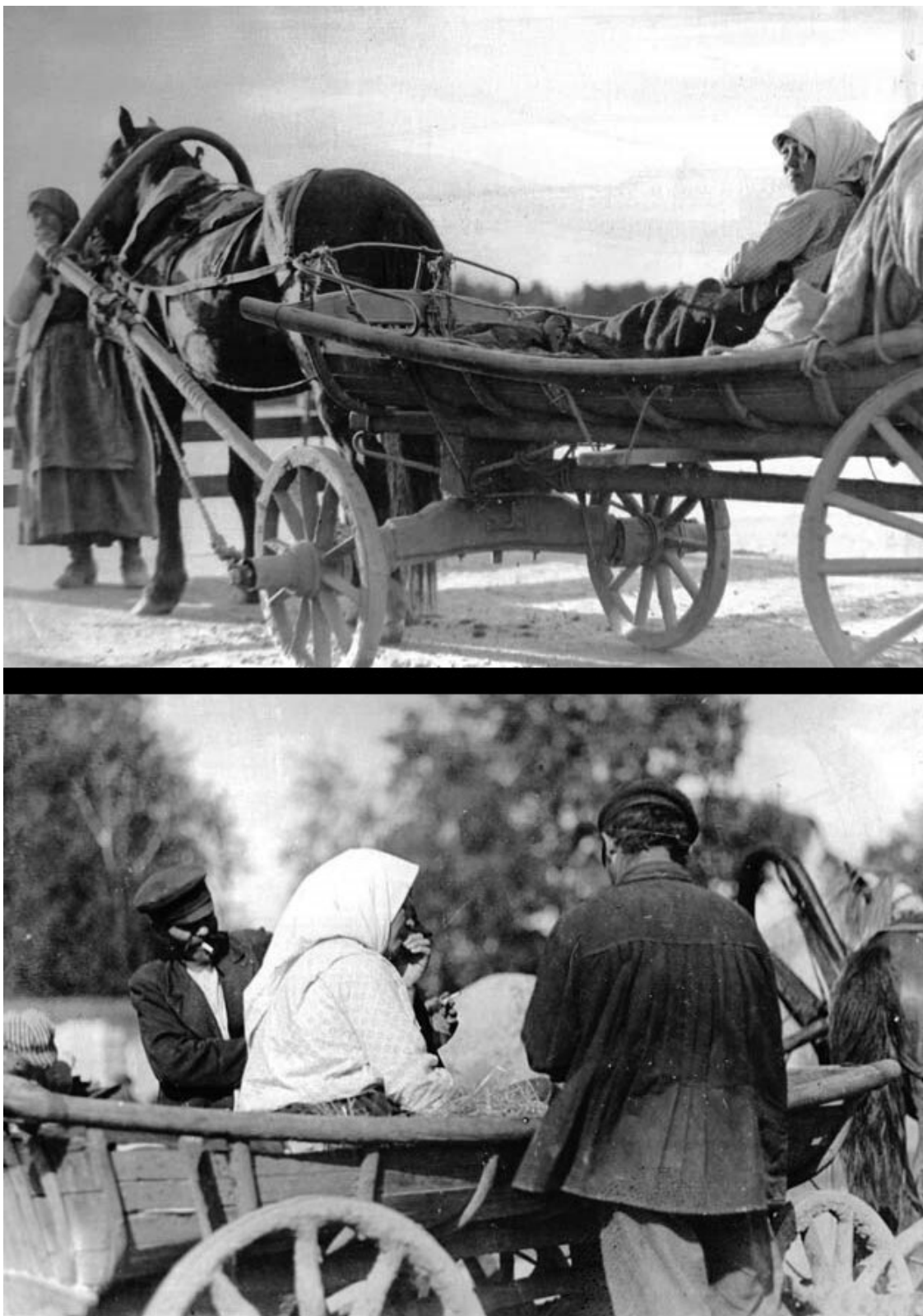
⁵⁵ Имеется в виду: «тех». Это слово писалось с буквой «ять». Звук, произносившийся на месте этой буквы, в вятских говорах действительно близок к «и».

⁵⁶ Цитата из «Учреждений для управления губерний». Вот только там сказано: «частной *или* личной безопасности» (Полное собрание законов... Т. 20. С. 278), а тут в рукописи – «частной *и* личной безопасности».

Фотографии Сергея Лобовикова. Начало XX века

Фотографии Сергея Лобовикова. Начало XX века

Дело ж в нижней расправе, хотя и с неясностию, но открылось, по сущему касательству и сумнительству до перевозчика Окулова, которой и осужден по законам, и дело представлено к рассмотрению и на ревизию в верхнюю расправу. Но сего малолетка, вменяя ему за отлучение от телеги от глупости сострадание бытием по стражею в нижней расправе, теперь, вследствие правил совестного суда, изображенных в высочайшем учреждении главы XXVI статьи 397-й,

и матернего милосердия, освободить безо всего. И как ево родной отец, сказанной крестьянин Макаров же, находится здесь в городе для извозу, то призвать ево в суд и отдать ему на руки с роспискою, с подтверждением, чтоб он впредь одного сына своего по малолетству в ызвозе без себя или других надежных и доброго поведения людей не употреблял. А затем сие положение суда при отце оному малолетку прочесть при открытых дверях. И сие дело по суду совестному числить решенным и внести в реэстр».

Как в воду!

Эта история интересна не только детективным сюжетом. В ней просвечивают ценные для нас чёточки обыденной жизни XVIII столетия.

Основные действующие лица – крестьяне, приписанные к сельским местностям, но жившие и работавшие в городе.

Авдотья Зыкова отправилась из Вятки в Слободской не в первый раз. Да, там жило семейство её взрослой дочери, так что Авдотья заодно погостила у неё (и угостилась!). И всё же главная цель поездки – прикупить кое-что в Слободском. Шерстяные чулки, шерстяные рукавицы, кожаные черезы и прочий мелочный товар – вещи вроде бы вполне обыкновенные, которые можно было бы и в Вятке раздобыть. Но Авдотья предпочитала делать закупки не в Вятке.

Известно, что Слободской во второй половине XVIII века был значительным торгово-ремесленным центром, превосходя даже ближайшую к нему Вятку (Хлынов). Спустя несколько десятилетий всё изменилось, и Слободской уступил первенство губернскому центру. Как следует из писем уроженца Слободского, ученика Вятской духовной семинарии Фёдора Пинегина, в 1835–1837 годах он в Вятке регулярно заказывал для своих домашних обувь и одежду, покупал медикаменты для бабушки, клетку и корм для канареек, да и многое другое, включая даже кровать, сработанную вятскими мастерами. И отправлял всё это в Слободской⁵⁷.

Наклюкалась же Авдотья знатно! От Слободского до дымковского перевоза возле города Вятки по осенней дороге, на телеге, запряжённой одной лошастью, с малолетним возчиком, даже по накатанной дороге и даже в ясный день нужно ехать много часов. Добрались они в десятом часу вечера. И всё это время Авдотья спала – и на пути домой, и тогда уже, когда телега стояла на берегу в ожидании переправы. Даже вечерняя промозглость поздней осени (по новому стилю это уже ноябрь) не протрезвила несчастную.

Куда подевалась Авдотья – сие осталось тайною. Как говаривал Женья Лукашин, надо меньше пить!

⁵⁷ Подробнее – в главе 10.

Надгробие 1767 года, вмонтированное во внешнюю сторону стены Царёво-Константиновской Знаменской церкви в Вятке (Кирове)

Фотография автора

Глава 3

Любовный напиток с чемерицей

Опой травы. Версия жёнки Мавры. Версия девки Акулины. Версия следствия и суда. Нерадивые прихожанки. Травушка-отравушка. Чемер и чихотка. Чемерица на Вятке и в окрестных землях. Коварство и любовь? Любовный приворот?

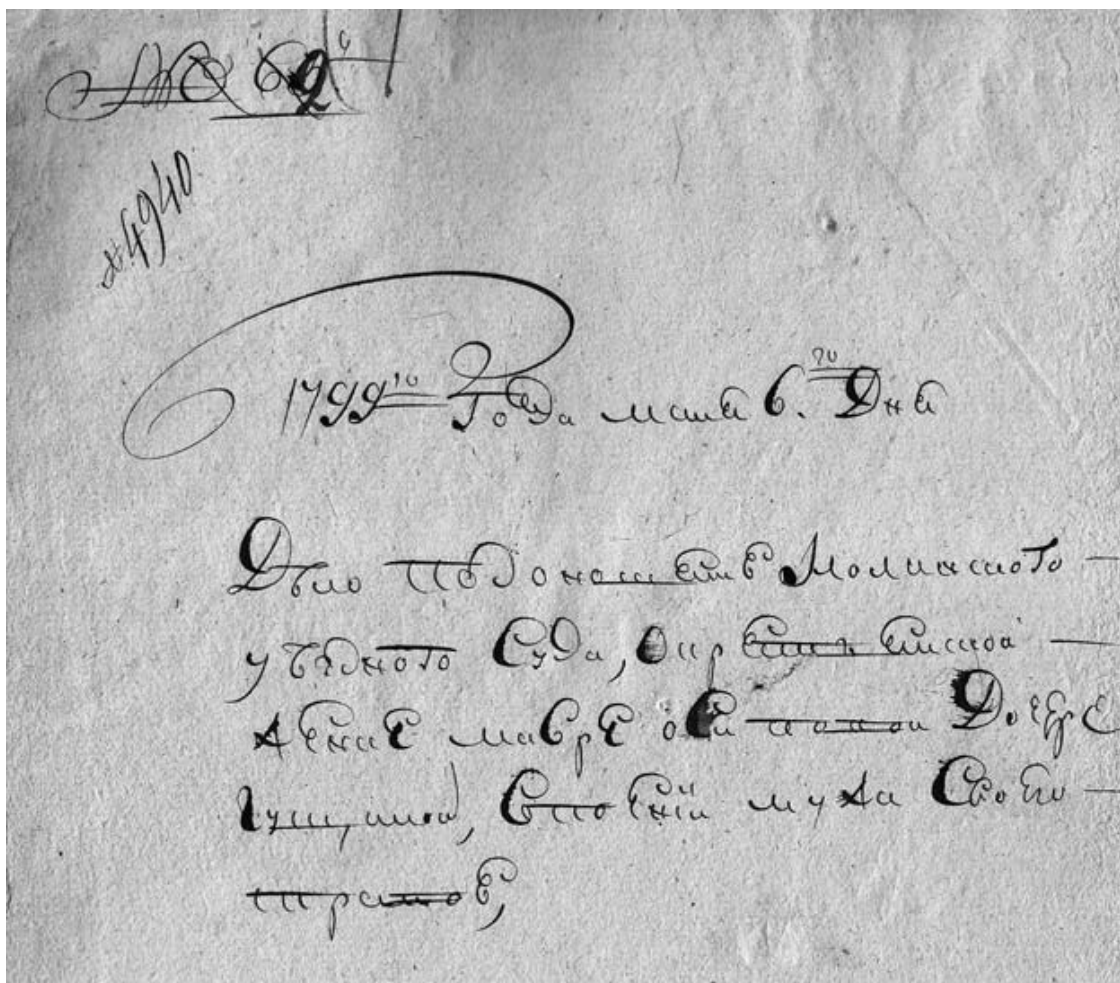
В Центральном государственном архиве Кировской области (ЦГАКО), в фонде Вятской губернской палаты суда и расправы, хранится дело 1799 года, тогда же озаглавленное: «Дело по доношению Нолинского уездного суда, о крестьянской женке Мавре Осиповой дочери Гущиной, в поении мужа своего травую»⁵⁸.

⁵⁸ ЦГАКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 471. Далее ссылки на листы этого дела приводятся прямо в тексте, в скобках.

Опой травы

Нолинск (или, как в архивных документах, Ноли) – уездный городок Вятской губернии, а ныне – районный центр Кировской области. В тех краях жила эта «жёнка» и её близкие. Дело сначала разбиралось в инстанциях Нолинска, а затем поступило наверх, в Вятку.

Обвинялась не одна только Мавра Осиповна Гущина. Вместе с нею привлекли к ответственности крестьянскую девку Акулину (иначе: Акилину) Мартыновну Машарову, которая, согласно показаниям Гущиной, дала той смертоносную траву. К счастью, муж Мавры Варлам Герасимович Гущин выжил: спустя месяц он «находится жив и ходит» (л. 6 об.). Потому судили их не за убийство.

Обложка архивного дела. Центральный гос. архив Кировской обл. Ф. 1. Оп. 2. Д. 471. Надпись: «1 799-го года мая 6-го дня. Дело по доношению Нолинского уездного суда, о крестьянской женке Мавре Осиповой дочери Гущиной, в поении мужа своего травою»

Я стану здесь цитировать отрывки из присланной в Вятку «выписки, учиненной в Нолинском уездном суде», где вкратце излагается суть дела.

Началось всё 15 марта 1799 года, когда крестьянин Герасим Гущин, отец Варлама, доставил в мирской двор сноху свою Мавру. Герасим утверждал, что она дала своему мужу Варламу выпить пива, куда была подмешана какая-то трава, от чего тот «находится при своем доме в тягчайшей болезни и к выздоровлению не благонадежен» (л. 2).

Через три дня лекарь и мирские люди освидетельствовали Варлама: «...Оной Варлам имеет колотье в животе, сопряженное с лихорадкой. Но сомнительно, де, чтобы оное могло произойти от опю неведомо какой травы, потому что оной травы налицо не оказалось. И по сему, де, и судить заочно о ней не можно, столь ли она была ядовита, чтобы возмогла действием своим приключать вышеозначенные болезненные припадки» (л. 2 об.).

На следующий день после осмотра больного допросили саму Мавру.

Версия жёнки Мавры

«А 19 марта Нолинской округи ясашной Стретенской волости починка По речке Сосновке ясашного крестьянина Варлама Гущина жена Мавра Осипова в отраве ею означенного мужа своего в Нолинском земском суде допрашивана и показала.

Маврой ее зовут, родная дочь крестьянина Ботылинской волости деревни Голиков Осипа Прилукова. От роду ей 20 лет. На исповеди и у святого причастия от роду своего ни разу не бывала. В замужество вышла она за реченного Варлама добровольно, сего 799 года прошедшим мясосятием, на Сплошной неделе в пяток, чему минуло толко недель с пять. Мужа ж своего напоила она в пиве на 15 число месяца марта ночью травую, не с намерением, чтоб ево тою травую умертвить, но сие учинила по глупости своей таким образом. Хотя во первых после свадьбы с тем своим мужем она жила согласно и ласково до первой недели Великого поста и он ей ни на словах, ни делом никаких обид и притиснений не чинивал, равно до сего времени и домашние не делали ж. А на той первой неделе муж ее подрал за уши, сказав, что сие он ей чинит за то, что с ним она мало говорит. Из чего и взяла она сомнение, что он ее не очень любит. И для того в бытность ее в городе Нолях в первое поста воскресенье, на базаре, сошедшись с прежнею своею подрушкою, крестьянина Мартына Машарова дочерию, девкою Акулиной на улице наедине, и между разговоров ей сказала, что муж с нею живет не очень ласково. Которая, де, ей на то отвечала, что у нее есть такая трава, когда оную дать в чем-нибудь напитокца, то любить ее муж будет. И обещала оную ей дать, сказывая, что она называется чемерицею, которую она Окулина ей в бытность на второй неделе Великого поста, но которого дня, не упомнит, у своего отца родного в гостях, в вышеупоминаемой деревне Голиках, на улице, завернутую в тряпке, наедине и дала. После чего с нею разошлись. И потом вскоре воротилась она Мавра в дом мужа. И, ночевав толко со оным одну ночь, при наступлении другой, в сумерки, когда уже затемнело и огня еще не было, попросил ее муж пить, то она, пошедши за пивом и при налитии онаго в ковш, высыпала ту траву всю, ибо оной было весма мало и то истертая в мелкой порошок, похожей по цвету на табак, но сзелена. И более у нее травы той нисколко не осталось. Коего пива по выпитии муж ее часа чрез два зделался внутренностию болен, а прежде того был здоров и толко что тем вечером приехал из лесу с лучиною. А поутру, узнав свекор ее от мужа, что он крайне зделался болен, по сказанию ево, будто бы от выпития пива, при питии коего чувствовал он, что был в нем какой-то сор, то и объявил в мирском дворе. А потом, по прошению своего свекра, села Стретенского священник Мокей Лошкин мужа ее исповедал и приобщил святых тайн. Напредь сего убивств, воровства и других преступлений никаких она не чинивала и под судом ни за что не бывала» (л. 2 об. – 4).

Позднее Мавра дополнила свои показания: оказывается, муж её «по недопитию пива отдал оное выпить брату своему, которого также вырвало и которой теперь жив и здоров» (л. 6 об.). Доза отравы, таким образом, пришлась на стороннего человека. А муж Мавры мог бы получить из рук жёнушки той гадости и побольше, но обошлось – «жив и ходит».

В тот же день в Нолинске допросили подружку Мавры Акулину.

Версия девки Акулины

«А оговорная оною женкою Маврою девка Акулина в земском суде допросом изъяснила. Акулиной ее зовут, крестьянина деревни Голиков Мартына Машарова дочь, девка. От роду ей 18 лет, на исповеди и у святого причастия у духовного своего отца Петра Сушкова ни разу с роду своего не бывала. Что она сего года в марте месяце на второй неделе Великого поста и никогда крестьянской женке Мавре Осиповой, по муже Гушиной, в своем селении и нигде никакой травы для отравы или опою мужа ее Варлама, чтоб ее впредь любил, не давала. И будучи в первое воскресение Великого поста в городе Нолях на базаре, о даче таковой травы ей Мавре обещания не только не делала, но с нею нигде тогда не саживались и не видались. Да и в своей деревне с ней Маврой в бытность ее у отца в гостях нигде не видалась же. Да и в девках будучи, оная Мавра с ней короткого знакомства не имела, ибо живут друг от друга в неблизком разстоянии, чрез целое почти селение по концам» (л. 4–4 об.).

Поскольку Акулина ни в чём не сознавалась, то ей в тот же день устроили очную ставку с Маврой. Акулина и там запиралась. Она, дескать, Мавру вообще не знает.

Похоже, Мавра очень старалась доказать знакомство с Акулиной и подкрепить свою версию. На очной ставке она припомнила, что один мужик проходил мимо них, когда они встретились на деревенской улице и Мавра получала от Акулины траву. Факт их знакомства могла бы подтвердить ещё двоюродная сестра Акулины, которая, мол, видела, как они вместе стирали бельё (л. 4 об.).

Сосед Акулины Семён Марков заявил: действительно, во время Великого поста, когда Мавра гостила у отца своего Осипа, вёл он как-то раз по улице лошадь и заметил стоящих поодаль Мавру с Акулиной. «...Но что они говорили или делали, не всмотрелся, кроме того, что Акилина имела с собою водоносные ведра лужении. Осиповой снаружи никаких вещей не приметил, исключая имеющейся на ней одежды» (л. 5). А двоюродная сестра Акулины Катерина Мосеева (Моисеева) не засвидетельствовала знакомства Акулины с Маврой: ну не видала она, как те вместе бельё мыли, не бывала при том мытье и вообще не ведает, сходились ли они для разговора (л. 5–5 об.).

Версия следствия и суда

Итак, и Акулина, и её родственница Катерина Мосеева всё отрицали. Тогда провели «повальный обыск», то есть опрос всех, кто хоть что-либо знал об обвиняемых. Обратились к крестьянам тех деревень, где жительствоваляли Мавра и Акулина.

Соседи отвечали: «...Крестьянская женка Мавра Осипова дочь поведения замечена добраго и напредь сего в штрафах и подозрениях и наказаниях не бывала». В замужество взята «ныняшнего году прошедшим мясоедом на Сплошной неделе». А те, кто знал Мавру девкой, когда она жила в одной деревне с Акулиной, про них обеих поведали кое-что любопытное: «... Но по слыху и по подозрительным обращениям замечены они в блудодействе с разными людьми, но за то по невыимке и по необъявлению ни от кого суждены нигде не были и доказать совершенно в том по неимению явных улик не могут, кроме слуху...» (л. 5 об. – 6).

Дело было заведено в марте в Нолинском нижнем земском суде. Затем в апреле его рассмотрели в Нолинском уездном суде. Отравительнице жёнке Мавре прописали плети. Вина же девки Акулины не была доказана (л. 13 об. – 14).

Решение о необходимости покарать Мавру пояснялось так: только с её слов известно, что это была чемерица. Хотя муж остался жив, «но от такового ее суеверия естли б вместо чемерицы дал ей кто-нибудь какое-либо другое едовитое вещество, то б она, как видно, по глупости своей, конечно, и оное мужу своему для привлечения изъясненной себе любви выпить или съесть дала, а через оное, не зная действия вещества того, зделалась причиною смерти ево» (л. 13 об.).

Чуть позже, в мае, решение Нолинского уездного суда подтвердили и в Вятке. Да, Мавру было «велено наказать плетми и отдать в жительство» (л. 19). Акулина ни в чём не созналась, даже в знакомстве с Маврой. Потому «по непризнанию ея и по недоказательству» повелели передать её на поруки (л. 1).

Нерадивые прихожанки

Обе обвиняемые утверждали, что ни разу в жизни не бывали на исповеди и у причастия.

Между тем в свои 18 и 20 лет они уже неоднократно должны были бы исповедоваться и уж тем более – причащаться. Люди ходили к исповеди и причастию хотя бы раз в год, перед Пасхой. Государство строго требовало этого от своих подданных православного вероисповедания.

В указах Петра I и Анны Иоанновны, подтверждённых указом Екатерины II от 30 сентября 1765 года, говорилось о необходимости «исповедываться и Святых Таин приобщаться по всягодно»⁵⁹. И позднее, в указе Павла I от 18 января 1801 года «О наказывании людей Греко-российского вероисповедания за уклонение от исповеди и Святого причастия, вместо денежного штрафа, церковным покаянием» содержалось требование, «чтоб всяк хотя единожды в год непременно сего исполнял...»⁶⁰

⁵⁹ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. [СПб.]: Тип. II отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 17. С. 346–347.

⁶⁰ Там же. 1830. Т. 26. С. 523. Прочие государственные установления, определявшие порядок исповедования, причащения и наказаний за уклонение от этого, см.: Там же. 1830. Т. 42. Ч. 1. Указатель алфавитный: 797–798.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.